

Ф.И. Тютчев о творчестве А.С. Пушкина

Ф.И. Тютчев (1803 – 1873) вошел в историю русской поэзии как современник А.С. Пушкина, поэтическое наследие которого стало предметом высокой оценки во второй половине XIX века. При обращении Тютчева к поэзии Пушкина приоткрывается завеса над размышлениями поэта о сущности творческого начала. Главным образом это проявляется в теме общественного значения поэтического творчества в единстве с последовательной цельностью натуры художника. Начиная со статей Некрасова и Тургенева, исследователи творчества Тютчева так или иначе затрагивают вопрос соотношения творчества Пушкина и Тютчева. В.В.Кожин в биографической работе достаточно было сопоставить ряд фактов жизни и творчества обоих поэтов, чтобы охарактеризовать литературные, историософские и общественные взгляды Тютчева¹. Поистине, светлая личность Пушкина становится неисчерпаемым источником национального достояния, соприкасаясь с которым любой факт приобретает особую ценность и неотразимость.

М.П.Погодин заносит в свой дневник: “Говорил с Тютчевым о молодом Пушкине, об оде Вольность, о свободном, благородном духе мысли, появляющемся у нас...”². Мысль о свободе связывается с идеалами лучшего будущего. Тютчев в стихотворении “К оде Пушкина Вольность” (1820) обосновывает оправдательный “огонь свободы”, движущий настоящим поэтом. Здесь нет места раболепству, ибо питомец муз призван служить лишь “святым истинам”. Для выделения этого мотива автор в первой части стихотворения дает представление о недоступности “сана” и “трона” царей, но именно лире подвластно влиять на земное владычество. “Великий удел” поэта подобен высшей воле, что, в свою очередь, налагает большую ответственность за свой талант. По Тютчеву, дар поэта - не самоценное качество, ибо оно далеко от эгоистических побуждений. Творчество - великая сила, ибо в нем заключена гармония, способная примирить между собой противостоящие начала окружающей реальности. Поэтому Тютчев заключает стихотворение обращением:

Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!..

Общественная значимость творчества не оспаривается, ее только еще более обосновывает высший закон, придающий глубокую осмысленность искусству. Свобода предстает не в качестве безграничного проявления во вне, но прежде всего как внутренняя необходимость личности. Исходя из этого, стихотворение воспринимается как призыв к

¹ Кожин В.В. Тютчев. - М., 1994. С. 136-198.

² Литературное наследство. Федор Иванович Тютчев. Т. 97. Кн. 2. - М., 1988-1989. С.12.

углублению в себя для осознания Божественного провидения, направленного на достижение цельности. Талант в данном случае является главным импульсом, направляющим на поиски истины. Как известно, впоследствии Пушкин переоценил оду, признав ее лишь увлечением неопытного сердца. Тютчев уже в двадцатые годы мастерски раскрыл двойственность и противоестественность проявления художественного таланта, происходящих от несоответствия глубины внутреннего самоощущения “высокого строя души” поэта предмету действительности, на который оно направлено. Творческий путь Пушкина является логическим постижением этой неоспоримой истины. В отличие от него, Байрон, например, в своем творчестве *бессознательно* искал внутреннюю цельность, составляющую необходимость человеческого существования, поэтому поиски лишены глубины осмысленности. Обращаясь к своему внутреннему миру, поэт находил лишь мучительную пустоту, ничем не восполнимую, преодолеваемую только отвлеченной устремленностью. Отсюда безысходное одиночество как результат оторванности от Высшего смысла. Тютчев по этому поводу произносит:

И в распре с небесами
Высокая Божественность мученья
Была ему загадкой волшебной...
(“Байрон”, 1828-1830)

Пожалуй эта “распря” и трагическая раздвоенность художественного мира западноевропейских поэтов дополняет его высказывание: “Мне приятно воздать честь русскому уму, по самой сущности своей чуждающемуся риторике, которая составляет язву или скорее первородный грех французского ума. Вот отчего Пушкин так высоко стоит над всеми современными французскими поэтами...”³. Проницательность Тютчева позволила ясно представить верховную роль Пушкина в русской поэтической культуре, которая неразрывна с национальным самосознанием, освященного верой. Пушкин “*пришел к вере через очевидность вдохновенного созерцания*. - замечает И.А.Ильин, - И русский дух познал *радость исцеленности и радость цельности*”⁴. Именно эту цельность Пушкина выделяет Тютчев: осмысливает ли он его творчество, сравнивает ли с западноевропейскими художниками, она проявляется в мирном сосуществовании с небесами, поэт исполнен высшей волею Творца. Не случайно в стихотворении на смерть поэта он клеймит виновника трагедии “царубийцей”, восставшего против помазанника Божьего. Царственность Пушкина заключается в его шествии к свободному принятию Высшей воли, на пути к чему находится весь русский народ, поэтому-то стихотворение и заключают строки:

³ Тютчев Ф.И. Сочинения в 2 т. Т.2. Письма. - М., 1984. С.18-20.

⁴ Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993. С. 68.

Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..
(“29-е января 1837”)

Во всепоглощающем и искупающем чувстве любви Тютчевым проясняется цельность пушкинского творчества. Несомненно, общественное звучание поэзии Пушкина оценивается с точки зрения национального восприятия: Россия духовной памятью хранит в себе образ поэта. Это непосредственно относит нас к высказываниям Тютчева о народности русской литературы, что весьма существенно в определении его литературной позиции.